

Сергий [Страгородский], архим. На Дальнем Востоке: (Письма японского миссионера) [I—XXIV: Письма: I: «Черное море», 21 августа, II: «Средиземное море», 25 августа 1890 г.] // Богословский вестник 1895. Т. 3. № 9. С. 386—399 (2-я пагин.). (Начало.)

НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ. (Письма японскаго миссіонера).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1890-мъ году, только что кончивши курсъ въ Духовной Петербургской Академіи, я получилъ назначеніе въ Японскую Духовную Миссію. Понятно, съ какими чувствами проводилъ я мое послѣднее лѣто въ Россіи. Японія, или собственно великая личность ея просвѣтителя преосв. Николая не выходила изъ головы. Сколько думъ передумали мы съ о. А. (насъ назначили двоихъ). Помню, японскій переводъ октоиха былъ первой книгой, какъ бы первымъ залогомъ, связавшимъ насъ съ этой дотолѣ невѣдомой страной. Вотъ тѣ таинственные іероглифы, которые придется знать, по которымъ придется и самому учиться и другихъ учить Христовой жизни. Неисправнѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ лексиконъ Гошкевича, неудобная для изученія грамматика японскаго языка Смирнова, американское изданіе Новаго Завѣта на японскомъ языкѣ, — сколько разъ держали мы ихъ гъ рукахъ и перелистывали. Но покуда все было тайной молчащей и привлекающей своей неизвѣстностью. Цѣлыхъ два мѣсяца оставалось до отъѣзда: о. А. долженъ былъ ѣхать 15, а я 20-го августа на пароходахъ Добровольнаго Флота. Тянула къ себѣ и невѣдомая дотолѣ „заграница“, и море, котораго я такъ и не собрался посмотрѣть въ Петербургѣ. Рисовались въ воображеніи и чудныя страны по пути въ Японію: Индія, Китай и пр. Наконецъ, думалъ пришелъ конецъ: наступила дѣйствительность. Съѣздивши на родину, потомъ опять въ Петербургъ, я въ половинѣ августа былъ въ Одессѣ, откуда на „Костромѣ“ отправился и на Дальній Востокъ.

Путешествіе вышло очень удачнымъ: останавливались много и по долгу, многое можно было высмотрѣть и замѣтить. Все это я не переставалъ сообщать въ своихъ письмахъ. Потомъ, и японская моя жизнь тоже нашла себѣ довольно подробное описаніе въ тѣхъ же письмахъ. Случай привелъ побывать и въ Китаѣ, въ приморскихъ его городахъ. Свѣдѣній накопилось очень много и разнообразныхъ. Можно сказать, вся побережная Азія прошла предъ моими глазами: Константинополь, Портъ-Саидъ, Перимъ, Коломбо, Пенангъ, Сингапуръ, Сайгонъ, Гонгъ-Конгъ, Амои, Владивостокъ, Шанхай, не говоря уже о самой Японіи. Многие совѣтовали мнѣ напечатать мои письма. Хотѣлось мнѣ видѣть ихъ въ печати и потому еще, что по нимъ читатели могутъ получить хотя приблизительное понятіе о томъ великомъ дѣлѣ, которое совершаетъ наша миссія, или собственно преосв. Пиколай въ Японіи.

Конечно, многое въ письмахъ нужно было бы поправить, нѣкоторыя свѣдѣнія вышли бы иначе, если бы я ихъ записалъ, напр., теперь, нѣкоторыя, можетъ быть, и совѣмъ были бы исключены. Но, слѣдуя совѣтамъ, печатаю такъ, какъ я тогда писалъ, чтобы сохранить свѣжесть впечатлѣнія. Конечно, впечатлѣнія эти, по выходѣ изъ-за скамьи прямо за границу, на море и пр., оказались, можетъ быть, живѣе, чѣмъ бы слѣдовало, во многомъ я и прямо, можетъ быть, тогда ошибался. Но думаю, что читатель проститъ мнѣ эти невольныя увлеченія и промахи: впечатлѣнія были всетаки отъ жизни, не выдуманы, по нимъ всетаки можно составить себѣ хотя нѣкоторое представленіе съ тѣхъ странъ, которыя описываются. Многое, кромѣ того, и поправляется потомъ, въ дальнѣйшихъ письмахъ, по мѣрѣ того, какъ я самъ знакомился съ тамошней жизнію. Итакъ, печатаю такъ, какъ писалъ.

ПИСЬМО I.

21-го Августа 1890 года. Черное море.

Итакъ, прощай, Россія. Пишу это письмо въ каютъ-компаниі „Костромы“. Въ окна видна одна только безграничная синева Чернаго моря. На небѣ ни облачка, на морѣ ни клочка земли, ни одной черной точки... Все синева и

синева. Пароходъ идетъ точно по рѣкѣ, ни шелохнется. Позабываешь, что — въ морѣ, если бы не эта все потопляющая синева, къ которой не привыкъ еще глазъ и безконечной ширью которой еще не въ силахъ восхищаться. Нужно, впрочемъ, сказать что-нибудь о своемъ выѣздѣ изъ Россіи.

Осмотрѣвъ Москву, Звенигородъ и Новый Іерусалимъ, отслуживъ послѣднюю литургію въ Россіи въ Кіевѣ на Успенье, я 17-го числа въ 2 часовъ утра прибылъ въ Одессу. Прошли три дня безконечной суеты. Нужно было получить свой багажъ, заранѣе присланный, нужно было запасться св. мѣромъ, дарами. Нужно было отыскать и получить всѣ церковныя вещи, потомъ сходить въ тысячу разныхъ присутственныхъ и неприсутственныхъ мѣстъ. И все это ощупью, съ потерей времени. Наконецъ, пришло 20-е число и двѣнадцать часовъ дня. Возвратившись изъ своего послѣдняго похода, уложилъ я свои вещи, безконечно довольный полнымъ приборомъ облаченія, св. сосудовъ, антиминса. Все это дастъ возможность и на морѣ не быть безъ службы. Закусилъ, разсчитался съ гостиницей, и поѣхалъ на пристань, переполненный всякими ожиданіями и приготовившись переживать всякія ощущенія, которыя, по слухамъ, обычно переживаются при разставаньи съ родиной и землей.

Ѣхали, Ѣхали, наконецъ, вижу прямо предъ собой свою „Кострому“, или скорѣе только лѣстницу на „Кострому“. Среди всеобщаго гама и толкотни я и не замѣтилъ, какъ пріѣхалъ къ самому борту корабля (пароходъ стоялъ ошвартовившись къ берегу). Размышлять было некогда, разсматривать пароходъ тоже, толпа суетилась, торопилась и не ждала. Взобрался я по лѣстницѣ (каюсь, я тогда еще не зналъ, что на морѣ нѣтъ ни лѣстницъ, ни веревокъ, ни оконъ, а есть только трапъ, концы, иллюминаторы и пр. Выражался я тогда совсѣмъ по сухопутному). Каюта меня уже ждала. Безъ особенной процедуры, поэтому, уложилъ я свои вещи и вышелъ на налубу подышать и посмотреть.

Было нѣсколько дико въ непривычной и невиданной до сихъ поръ обстановкѣ. Все тутъ новое, начиная съ парохода и кончая самой малѣйшей подробностью всей этой сцены.

Началъ я съ парохода. Это было огромное черное чудовище о трехъ мачтахъ. На верхней налубѣ три постройки: рубка на кормѣ (здѣсь помѣщенія для пассажирскихъ каютъ, для каютъ-компаніи, все это на верхней налубѣ), рубка на срединѣ парохода (каюты офицеровъ, кухня и т. п., подъ ними машина) и что-то въ родѣ рубки на носу (послѣ узналъ, что это не носъ, а бакъ и что тамъ помѣщается команда). Надъ кормовой рубкой платформа, обычное мѣсто пассажировъ каютныхъ. Надъ нею въ жаркое время растягиваютъ тентъ. Тутъ можно видѣть нѣсколько намековъ на мебель, въ видѣ поломанныхъ тропическихъ стульевъ изъ тростника (*longchairs*), двѣ садовые скамейки, нѣсколько складныхъ табуретовъ. Мебели нельзя сказать, чтобы слишкомъ много. Но.. тогда и это казалось роскошью. Надъ тѣмъ и другимъ бортомъ привѣшены двѣ лодки. Лежатъ свернутые въ кружки (виновать, въ бухты) канаты. Вотъ и все убранство. Надъ средней рубкой капитанскій мостикъ, каюта капитана, нѣсколько лодокъ и пр. Пассажировъ третьяго класса не было видно, и гдѣ ихъ обиталище, узнать пока не привелось.

Каюты наши ничего себѣ. Правда, не велики онѣ, невзыскательна и обстановка ихъ, но роскоши намъ и не нужно. Намъ въ каютѣ трое. Кто мои спутники, пока я не зналъ. Было четыре койки. По двѣ: одна надъ другой. Три мы заняли, четвертая служила и шкафомъ, и комодомъ и всѣмъ, что только потребуется. Умывальникъ самый неудобный съ нашей русской точки зрѣнія: нужно постоянно давить какую-то пуговицу, чтобы текла вода; никакъ не приспособишься въ одно время и давить и умываться, такъ какъ руки всетаки только двѣ. Впрочемъ, привыкнемъ.

Корридоръ, въ которомъ расположены наши каюты, выходитъ въ каютъ компанію. Это довольно обширная комната, довольно низкая, какъ все на пароходѣ. Продольныя стѣны заняты сплошнымъ диваномъ. Передъ нимъ по ту и другую сторону комнаты длинные столы. Это для обѣда. Часть пассажировъ садится на диванъ, другая часть размѣщается въ привинченныхъ къ полу креслахъ съ вертящимися сидѣньями, по другую сторону стола. У одной изъ поперечныхъ стѣнъ, которая къ нашимъ каютамъ, помѣщается пианино, у противоположной—низкій комодъ съ мраморной доской наверху и съ большимъ зеркаломъ на стѣнѣ. Среди

каютъ-компаніи проходитъ мячта, красиво здѣсь отдѣланная краснымъ деревомъ. На ней прибита карта земного шара съ обозначеніемъ главныхъ морскихъ путей. Вотъ вамъ и все наше убранство. Пассажиры обычно находятся на верхней палубѣ, въ каютъ-компаніи больше ѣдятъ и пьютъ (и пишутъ иногда, какъ напр., я сейчасъ). Распорядокъ времени повидимому имѣетъ цѣлью, какъ можно менѣе оставить времени для дѣла и какъ можно больше для отдыха, сна и пр. Съ 7—9 часовъ утра всякій обязанъ пить чай (позволяется кончить его и раньше, но горе проспавшимъ 9 часовъ! буфетъ для нихъ закрывается и официантъ холодно скажетъ: „extra“, т. е. дадутъ чаю, но запишутъ особо). Въ 2 часовъ завтракъ (или обѣдъ, если угодно) изъ двухъ блюдъ. Съ 2 до 3-хъ можно еще разъ напиться чаю, но съ особой платой. Въ 5 обѣдъ. Что послѣ бываетъ, еще не узналъ, потому что вчера обѣдъ былъ не въ урочное время, въ 6 съ половиной часовъ. Какъ видите особенно голодать и жаловаться на скуку и массу свободного времени не приходится. Но возвращаюсь къ разсказу.

Вышелъ я на палубу. Здѣсь продолжалась прежняя толкотня и суета. Корабль нагружался. Грузили какіе-то сундуки, чемоданы, ящики, корзины, мѣшки. Подъемная машина (лебедка) дѣйствовала неустанно, наполняя своимъ трескомъ все. Протянется за бортъ ея желѣзный рычагъ, точно какъ рука. Загремитъ по нему цѣпь, которую спускаютъ за товаромъ. Тишина. Рабочій захватываетъ канатомъ нѣсколько сундуковъ, мѣшковъ и т. п., зацѣпляетъ канатомъ за крюкъ на концѣ цѣпи лебедки. „Вира, лебедка“, слышится полусонный, полу-недовольный голосъ. Опять трещитъ лебедка. Грузъ поднимается надъ бортомъ. Стопъ... Переменяется какой-то клапанъ въ машинѣ... Опять трещетка. Грузъ вмѣстѣ съ желѣзнымъ рычагомъ медленно описываетъ въ воздухѣ кругъ... Повисъ надъ бездонной пропастью трюма. Опять пауза, опять что-то передвигается въ машинѣ. Снова трещетка. Грузъ опускается и пропадаетъ въ трюмъ. Оттуда нѣсколько разъ еще крикнуть: „Стопъ“, еще нѣсколько разъ: „Майна“ (давай). И наконецъ, съ облегченіемъ: „вира“. Лебедка вытягиваетъ на этотъ разъ пустую цѣпь, чтобы снова отправиться за бортъ за новой добычей.

На палубѣ и на берегу около парохода стонъ стоялъ. Всякій тащилъ что-нибудь, всякій о чемъ-то считалъ своимъ долгомъ кричать. Трудно было и понять, что тутъ творится. Особенно трогательную картину представляли животныя, коровы и быки, которыхъ всѣми средствами старались пригласить на пароходъ. Бѣдныя четвероногія, очевидно, отнюдь не прельщались этой завидной перспективой. Сколько было силъ упирались они на узкихъ сходахъ, ревѣли, — чуяли должно быть, что только аппетитъ заставлялъ людей возить ихъ съ собой.

Пристань и палуба полна была всякаго люду. Пестрота костюмовъ и типовъ такъ и била въ глаза. Чего и кого только тутъ не было? Были экземпляры незатѣйливостью и простосердечностью своего костюма сильно напоминавшіе времена первобытныя. Были и греки, и евреи, и всѣ.

Долго я стоялъ занятый этимъ созерцаніемъ. Время однако шло. Было около 5 часовъ вечера, когда данъ былъ первый свистокъ. Прошелъ еще часъ. Наконецъ, третій свистокъ. Убраны сходни, отданы канаты и... прощай Русь. Нашъ пароходъ вздрогнулъ, запыхтѣлъ, и медленно, медленно началъ поворачиваться отъ берега. Толпа, по поводу этого, начала кричать „ура“, махать шляпами, платками и просто руками. Матросы наши отвѣчали тѣмъ же. И, такимъ образомъ, среди этого всеобщаго крика мы отошли отъ пристани и тихимъ ходомъ прошли рейдъ. Обогнувши моль, за маякомъ, нашъ пароходъ остановился.

— Что такое?

„Мы будемъ тутъ стоять до 12 часовъ ночи“.

Всеобщее недоумѣніе, но разрѣшить его было покуда никому. Между тѣмъ раздался звонокъ къ обѣду. Пошли. Каютъ-компанія была привѣтливо освѣщена, столы накрыты. Оставалось занимать мѣста. Но всѣ мы, какъ стадо, сбились на срединѣ, пока капитанъ не пришелъ намъ на выручку и не усадилъ. Усѣлись. Тишь была невозможнѣйшая, просто не шелохнетъ вѣтерокъ. Отъ этого жара въ каютъ-компаніи доходила прямо до тропической степени. Бѣдные пассажиры въ потѣ лица ѣли, ѣли, обтирались, снова ѣли... И такъ долго, старательно.

Большинство пассажировъ, какъ я ихъ рассмотрѣлъ, — все офицеры, и по большей части только что выпущенные

изъ школъ, неоперившіеся, всѣ они ѣхали въ Восточную Сибирь начинать свою службу. Есть одинъ докторъ, тоже только что испеченный, ѣдетъ на Сахалинъ (онъ и помѣщается въ одной каютѣ со мною). Есть архитекторъ, тоже едва окончившій курсъ, ѣдетъ тоже на Сахалинъ. Есть два генерала, одинъ съ женой, другой, поважнѣе, съ дочерью. Кампанія, какъ видите, больше все начинающая.

.. Послѣ обѣда всѣ перебрались на палубу, подъ тентъ, и наслаждались восхитительной картиной въ стилѣ Айвазовскаго. По морю въ безконечность уходилъ отсвѣтъ луны. Небо ясное, звѣздное. Вдали горѣла массой огней Одесса и рейдъ со своими судами. Преносились вдали силуэты парусниковъ. Какой-то пароходъ постукивалъ, подходя къ Одессѣ и показывая отъ времени до времени свои разноцвѣтные огни. И такъ было прелестно, такъ просторно и такъ таинственно въ этомъ морѣ, внѣ рейда. Такъ бы и смотрѣлъ не переставая, такъ бы и не ушелъ отъ этой дивной, глубоко проникающей въ душу картины.

„Что же однако мы стоимъ?“ уже не разъ спрашивали мы другъ друга (какъ только пароходъ отошелъ отъ берега, сразу всѣхъ насъ что-то объединило, всѣ стали смотрѣть другъ на друга, какъ на знакомыхъ).

Нашелся кто-то изъ знающихъ, объяснилъ намъ, что причина вся въ туркѣ. Онъ-де не позволяетъ входить въ свою гавань ранѣе восхода и послѣ заката солнца,—иначе-де будутъ стрѣлять, да и расходы на выстрѣлы вычтутъ съ насъ же. Не желая подвергаться такой неприятности и не находя удобнымъ стоять въ виду Константинополя ночью, капитанъ нашего парохода и разсудилъ лучше простоять въ виду Одессы, чтобы потомъ идти уже безостановочно до Константинополя.

„Резонно. Но зачѣмъ выходить такъ рано изъ Одессы и стоять внѣ рейда, тогда какъ удобнѣе было бы простоять у пристани?“.

Нашъ руководитель не могъ на это сказать ничего. „Это, можетъ быть, для того, чтобы соблюсти распisanie“.

Послѣ узнали, что и изъ Одессы послѣ захода солнца выходить нельзя.

Думалъ было я дожидаться 12 часовъ, посмотрѣть, какъ будемъ мы уходить совсѣмъ отъ Одессы. Но недоспанная

ночь и цѣлый день бѣганья дали себя знать. Пришлось отступить отъ своего рѣшенія. Я ушелъ въ свою каюту и безъ всякихъ претензій на сильныя ощущенія при прощаніи съ землей и пр., уснулъ самымъ сухопутнымъ образомъ, и не проснулся до 8 часовъ утра.

Проснулся, первымъ дѣломъ посмотрѣть на море, теперь уже въ подлинномъ смыслѣ открытое. Но эта непривычная синева была такъ громадна, такъ поглощала въ себя, что даже и чувства безконечности нельзя было испытать. Сознаніе совершенно теряется въ этомъ безграничномъ сводѣ, въ этихъ вспученныхъ массахъ воды во всѣ стороны (морская поверхность кажется возвышенной къ горизонту). Только потомъ, мало по малу начинаешь давать себѣ отчетъ. Восхищаться же этой ширью и думать, глядя на нее, можно только спустя нѣсколько дней морскаго путешествія. Тогда, дѣйствительно, можно по цѣлымъ днямъ, въ особенности ночамъ смотрѣть и думать, и переживать безконечность этой могучей стихіи.

Въ 10 съ половиной часовъ былъ у насъ молебенъ.

На верхней палубѣ или точнѣе, по морскому, *на ютъ* устроили что-то въ родѣ палатки изъ большихъ флаговъ. Поставили покрытый золотымъ облаченіемъ столъ. На немъ—икону, крестъ, евангеліе, два подсвѣчника. Составился импровизованный хоръ изъ „образного“, какого-то псаломщика, случайно нашедшагося среди пассажировъ третьяго класса, нѣсколькихъ офицеровъ. Сначала хватили врознь, но потомъ поправились и дѣло пошло на ладъ. Потомъ устроимъ спѣвку, и тогда выйдетъ еще лучше.

Въ 7 съ пол. вечера—молитва для команды и пассажировъ третьяго класса на палубѣ.

Погода стоитъ чудная. Море какъ зеркало. Да и жары, какъ въ Одессѣ, теперь и помину нѣтъ: пароходъ своимъ движеніемъ производитъ довольно замѣтное теченіе воздуха, вѣтеромъ прогоняетъ всякую жару. Качки никакой. Однимъ словомъ, не морское путешествіе, а прогулка. Поговариваютъ только о Красномъ морѣ. Жара тамъ, говорятъ, доходитъ до невозможной степени.

Однако, пора кончать письмо. Завтра утромъ придемъ въ Константинополь. Нужно будетъ любоваться Босфоромъ, кончать тогда письмо некогда. Итакъ, до свиданья въ Портъ-Саидѣ.

ПИСЬМО II.

25-го Августа. Средиземное море.

Въ Константинополь прибыли, дѣйствительно, утромъ, т. е. къ Босфору, потому что процедура съ карантиннымъ осмотромъ, съ освидѣтельствваніемъ пропуска и пр. задержала насъ часа на два слишкомъ. Только въ 11 часовъ бросили мы, наконецъ, якорь посреди Босфора противъ св. Софіи.

Что такое Босфоръ съ корабля, это можно только видѣть, но не описать. Даже не вѣрится, чтобы въ дѣйствительности, не на картинѣ могла существовать такая несравнимая панорама. Проливъ довольно узокъ для моря, въ родѣ рѣки. Идетъ извивами. И вотъ какъ по щучьему велѣнію предъ вами развертываются все новыя и новыя прелести, одна другой краше, одна другой живописнѣе. Не успеешь хорошенько насмотрѣться на одну, а Босфоръ спѣшитъ васъ поразить другой, выдвигаетъ изъ за горъ береговыхъ уголокъ, еще не виданный вами и еще болѣе живописный. Думаю, что нарочно можно бы съѣздить сюда, чтобы все это видѣть въ натурѣ.

Но главное впереди. Послѣ нѣсколькихъ поворотовъ, вы, наконецъ, видите городъ, а на второмъ планѣ, на бугрѣ, посреди нѣсколькихъ минаретовъ высится св. Софія. Константинополь съ его мечетями, минаретами, дворцами, съ вѣчно дымящимъ, суетливымъ, кишашимъ лодками, пароходами, кораблями рейдомъ, съ цѣлымъ моремъ домовъ, нагроможденныхъ грудами по всѣхъ окружнымъ холмамъ, съ чудными кипарисами, со всѣмъ своимъ богатствомъ, во всемъ своемъ восточномъ нарядѣ предстаетъ предъ вашъ восхищенный взоръ. Чудный, дивный городъ! Умѣлъ выбрать для тебя мѣсто св. Константинъ. Европа и Азія какъ будто соединили здѣсь свои силы, чтобы получше украсить тебя!

Лишь только стала „Кострома“, предъ нашими глазами открылась другая картина, болѣе житейская. Пароходъ моментально окружила цѣлая флотилія лодокъ со всевозможными припасами: кто предлагалъ фрукты, прекрасныя фрукты, кто—сласти, кто—туфли, фески, кто-что. И все это были черномазые господа, турки и греки, и все это самымъ безжа-

лостнымъ образомъ коверкало нашъ русскій языкъ, пуская въ ходъ и жесты, и взгляды, всячески привлекая насъ къ своему товару.

Съ другаго борта, гдѣ спущенъ былъ трапъ, подѣхали кайки, рѣзко отличающіеся своимъ изящнымъ видомъ отъ торгашескихъ лодокъ. Гребцы въ бѣлыхъ (и чистыхъ) одеждахъ, на головахъ красныя фески. Кайки покрыты ковромъ. Гребцы смотрятъ молодцами. Однако всё эти живописныя и неживописныя лодки остались ни съ чѣмъ: насъ усадили на какой-то компанейскій катеръ и всѣхъ перевезли на казенный счетъ.

Станціей нашей была лавка одного грека, очень хорошо говорившаго по русски и охотно предложившаго намъ свои услуги найти проводника, извозчика и пр.

Компанія наша была большая: человекъ 18. Къ этому присоединили еще проводника, который при всемъ своемъ православіи, при знаніи русскаго языка и знакомствѣ съ Россіей, оказался очень плохимъ проводникомъ.

Мы размѣстились въ четырехъ ландо и помчались по Константинополю. „Какая смѣсь одеждъ и лицъ“!.. Кого только мы не видали здѣсь? Турки, греки, негры, европейцы, все это кишѣло по улицамъ, сидѣло, стояло, шло и бѣжало по всѣмъ направленіямъ, пестря своими костюмами и наполняя воздухъ всевозможными нарѣчіями. Красныя фески, конечно, преобладали, чередуясь съ бѣлыми чалмами. Попадались солдаты, офицеры, дервиши, муллы въ своихъ маскарадныхъ одѣяніяхъ. Но собакъ, собакъ! Просто цѣлыя милліоны! И все это собаки самой простѣйшей формы, — дворняжки, ободранныя, грязныя, сонливыя, по своему темпераменту, должно быть, очень напоминающія своихъ правовѣрныхъ хозяевъ.

На улицахъ Царь-града очень плохо: грязь и вонь невообразимыя. Улицы по большей части узкія, темныя. Вообще, кто хочетъ оставить о Константинополѣ у себя хорошую память, тотъ пусть съ парохода на берегъ не съѣзжаетъ. Какъ и всякая дѣйствительность, Царь-градъ хорошъ только изъ далека.

Прежде всего мы подѣхали ко св. Софіи.

Хороша она тоже съ моря. Вблизи ее трудно понять: турецкія пристройки, неуклюжія и къ довершенію всего

облѣзлыя, совершенно ее загромаждаютъ. Мы вошли на обширный дворъ, обнесенный высокой, сажени въ двѣ или полторы, желѣзной рѣшеткой. Посреди двора, подъ навѣсомъ, и тоже за желѣзной рѣшеткой, находится громадный фонтанъ. Около него раскинули свои палатки и просто столы нѣсколько торговцевъ священными вещами, главнымъ образомъ четками, которыя у турокъ въ большомъ употребленіи.

Здѣсь къ намъ присоединился еще другой проводникъ, очень еще молодой человекъ, который говорилъ на четырехъ языкахъ: французскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ, и, какъ и всѣ къ Константинополѣ, зналъ нѣсколько словъ по русски. Благодаря ему, наша половина компаніи увидала гораздо больше, чѣмъ другая, которая пошла за первымъ, православнымъ проводникомъ.

Входимъ въ св. Софію. Прежде всего, надѣваютъ намъ на ноги туфли, сапоговъ снимать не пришлось. За то просили снять шляпы. Это уже, очевидно, уступка Европѣ. Мы вошли въ галерею, или притворъ, который идетъ кругомъ всего храма въ два этажа. Это очень широкой и высокой корридоръ. Полъ устланъ циновками, шаговъ не слышать. Тихо и нѣсколько мрачно здѣсь. Какъ-то и голоса замираютъ, невольно смолкнешь въ этомъ величественномъ, плѣненномъ храмѣ.

Намъ показали нѣсколько остатковъ византійской мозаики на потолкахъ и стѣнахъ корридора. Видѣли колонну будто бы разрушенную Магометомъ (султаномъ-завоевателемъ). Тутъ же на стѣнѣ отпечатокъ его руки. Удивительныя руки, должно быть, были у этого счастливаго султана. Замѣтны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слѣды крестовъ, портреты императора и императрицы, все это спить теперь подъ варварскимъ покровомъ штукатурки, турки все старались замазать и похоронить. Надолго ли?..

Наконецъ, вошли въ самый храмъ. Велика, грандіозна св. Софія. Но какъ-то тяжело созерцать ея поруганное величіе. Этотъ мусульманскій помостъ на мѣстѣ алтаря, эти неуклюжія, почти до полу спускающіяся тощія люстры, эти нелѣпыя зеленые щиты, которыми закрыты какія-то христіанскія изображенія надъ и между арками! Какъ это все грустно, какъ это диссонируетъ, какъ это неумѣстно здѣсь.

Громадная площадь храма во всю ширь устлана циновками. У стѣнъ какія-то загородки съ возвышеніями и безъ нихъ, должно быть, мѣста какихъ-нибудь муллъ. На лѣвой сторонѣ (отъ входа у алтаря) (бывшаго) на колонкахъ крытое мѣсто султана. Кое-гдѣ, больше у дверей, видны были колѣнопреклоненныя фигуры молящихся мусульманъ. Отъ времени до времени доносилось ихъ всхлипываніе и бормотанье. А когда-то цѣлыя сотни священниковъ, діаконовъ и пѣвцевъ въ богатѣйшихъ одеждахъ наполняли теперь опустѣвшій и уничтоженный алтарь. Когда-то было здѣсь великолѣпіе, предъ которымъ блѣднѣлъ храмъ Соломона. Все прошло. Все поругано, заброшено, осквернено. Тяжело и грустно въ этомъ великомъ храмѣ. Впрочемъ, не въ величіи и силѣ Богъ; пришелъ Онъ путемъ поруганія и уничтоженія. Должно быть, это и путь Его Церкви, если только она остается вѣрной Ему.

Долго мы простояли въ св. Софіи. Общій видъ ея внутри поразителенъ. Громадный, какъ небо, куполъ такъ легко покоится на аркахъ, что позабываешь о матеріи. Это совершенно сводъ небесный, висящій въ воздухѣ. Нѣтъ тутъ громадныхъ, неуклюжихъ, такъ и давящихъ своею массою столбовъ, поддерживающихъ куполъ. Все виситъ, да и свѣтъ, къ довершенію иллюзіи, падаетъ тоже изъ купола: окна не въ фонарѣ, а прямо въ куполѣ. И вотъ это самое простое, повидимому, сочетаніе ливій, заставило насъ стоять безмолвно предъ этимъ чудомъ и смотрѣть на него не уставая. Да, Юстиніанъ былъ правъ, восхищаясь и гордясь своимъ созданіемъ.

Заплативши по два франка съ человѣка, мы оставили св. Софію и поѣхали осматривать другія достопримѣчательности. Видѣли египетскій обелискъ, на которомъ пририта надпись на нѣсколькихъ языкахъ, возвѣщающая потомству низложеніе янычаръ. Тутъ не вдалекѣ, какимъ-то чудомъ держится вся ободранная, византійская колонна. Смотрѣли подземелье съ тысячею колоннъ: остатокъ византійскаго водопровода. Смотрѣли гробы султановъ. Походили и по знаменитому „Стамбуль-базару“, на которомъ не знаешь, чему дивиться, разнообразію ли его продавцовъ, ихъ приставанью, или всеобщей грязи, вони, тьмѣ, какому-то затхлому туману, все наполняющему тамъ. Должно быть право-

вѣрный, не смотря на всѣ свои омовенія, а быть можетъ, и благодаря имъ, не можетъ жить безъ грязи. Хорошо еще, что есть готовые, бесплатные санитары, въ видѣ собакъ, которыя уничтожаютъ отбросы; безъ собакъ Константинополь давно бы сгнилъ и задохся въ своей грязи.

Проѣхались мимо султанскихъ садовъ и дворцовъ, не выдавъ, конечно, ничего, кромѣ наглухо закрытыхъ воротъ; правда, ворота были очень изящныя.

Въ общемъ отъ города остался какой-то сумбуръ въ головѣ. Онъ насъ оглушилъ, ошеломилъ. Необходимо пробыть въ немъ больше одного дня, чтобы въ немъ ориентироваться, хотя кромѣ Софїи (и музеевъ), особенно рѣдкихъ вещей въ немъ нѣтъ, если не считать его самого.

“ Нужно бы, конечно, побывать у патріарха, но.. компанія наша не спѣлась, а потомъ уже былъ вечеръ: нужно торопиться на „Кострому“. Только на пароходѣ нѣсколько можно было придти въ себя и разобраться въ массѣ никогда еще не испытанныхъ впечатлѣній. Въ первый разъ быть среди чужаго, не русскаго народа, въ чужой странѣ и прямо попасть въ такой водоворотъ, — тутъ поневолѣ растеряешься и не скоро придешь въ себя.

Утромъ 23-го прошли Дарданеллы и вошли въ Архипелагъ. Здѣсь совершился первый нашъ морской дебютъ, и не особенно блестяще. Была чуть-чуть замѣтная зыбь, мертвая, какъ ее называли моряки. Вѣтру нѣтъ, волнъ нѣтъ, а пароходъ качается. Конечно, качка была едва уловимая; но, отправляясь въ море, всѣ мы читали и слышали, что на морѣ бываетъ качка и что въ такихъ случаяхъ бываетъ, морская болѣзнь,—слѣдовательно, должна быть морская болѣзнь и въ настоящемъ случаѣ. И вотъ больше отъ того, что знали про качку и видѣли ее, чѣмъ чувствовали, наши пассажиры окончательно приготовились страдать морской болѣзнью. Сначала, конечно, дамы, а потомъ глядя на нихъ и всѣмъ стало не по себѣ. У всѣхъ стало замѣчаться какое-то особенно сосредоточенное выраженіе лица, нѣкоторые зачѣмъ-то уединялись къ борту, нѣкоторые же и совсѣмъ очищали позицію и скрывались. Пробовали было наши хозяева какъ-нибудь разогнать это навожденіе, но ничто не помогало: сосредоточенное выраженіе распространялось на всѣ фізіономїи, уединенія къ борту участились, позиціи

стали очищаться не только неожиданно, но и съ возможной поспѣшностью. А тутъ еще, какъ на грѣхъ, подвернулся одинъ инженеръ съ лѣкарствомъ.

Отправляясь въ море, всѣ мы съ особеннымъ вниманіемъ прочитывали въ газетахъ различныя „средства отъ морской болѣзни“. Помню гдѣ-то и я вычиталъ, что помогаетъ очень эвкалиптовая камедь. Къ сожалѣнію (а можетъ быть и къ счастью), въ аптекахъ этой камеди найти не могъ. Не могъ найти ея и инженеръ. Но (вотъ, что значитъ рационализмъ) онъ на этомъ не остановился. Ему предложили вмѣсто камеди эвкалиптоваго масла. Нашъ аптекарь и разсудил, что эвкалиптъ вездѣ эвкалиптъ, поможетъ и масло. Бѣдный архитекторъ! Масло производило какъ разъ обратное дѣйствіе. Онъ долго въ него вѣрилъ. Принималъ, бѣжалъ къ борту, снова принималъ, и снова бѣжалъ.. Да и меня угостилъ въ числѣ другихъ. Сижу я въ каютѣ-компаніи за письмомъ. Приходитъ онъ, должно быть прямо отъ борта. „Что, батюшка, какъ себя чувствуете?“

„Да, ничего себѣ, говорю, только мутитъ немного“.

— „Эхъ, примите-ка капель. Право лучше, чѣмъ томиться. Помогаетъ прекрасно“.

Дай, думаю, попробую;—если и не чувствую теперь необходимости, то все-таки въ видахъ предупрежденія не вредить.

Принялъ.. Не успѣлъ инженеръ закупорить свою злополучную стекляночку, какъ я, душевно благодаря его за капли, принужденъ былъ на нѣкоторое время скрыться въ корридорѣ. Угостилъ, нечего сказать. За то и было же ему съ его каплями. Всю дорогу бѣднаго травилъ.

Теперь по немногу всѣ успокоились. Капли только веселятъ теперь.

Сегодня ночью придемъ въ Портъ-Саидъ. Вотъ потомъ-то, говорятъ, будетъ дѣло. Красное море расписываютъ самыми ужасными красками. Нужно будетъ запастись въ Портъ-Саидъ легкой одежей, въ черномъ тамъ невысказано.

Слѣдующее письмо придется послать только изъ Коломбо. Ни въ Адень, ни въ Перимъ заходить не будемъ: тамъ холера.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Архимандритъ Сергій.